

Ованес Туманян

Стихи

ПАХАРЬ

Плуг, забирай! Ну, ну, волю!
Дотянем понемногу
К полудню вон до той скалы, -
Господь нам будь в подмогу!
Дай силы, боже, их плечам!..
Свернем-ка глыбу, ну же!
Хлестни их, мальчик!..Черным дням
Конца нет. Жить все туже.
Не выйти из долгов по гроб:
Сосед пошел судиться;
Задаром пел молебен поп, -
Проклясть теперь грозитя.
Да недоимки не малы;
Намедни тож раскладку
Затеяли... Ну, ну, волю!
Дерите землю-матку!..
Долги плати, семью корми,
Повинность справь... А хата
(Эй, парень!) – голыми детьми
Да голодом богата.
Плуг, забирай! Ну, ну, волю!
Дотянем понемногу
К полудню вон до той скалы, -
Господь нам будь в подмогу!

СТАРИННОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Там, под орешником, развесившим листву,
На корточках, по старшинству
В кругу почетном восседаю,
Обычай соблюдая,
Смеялись, пили

И шутили,
Вели беседы длинные за чашей
Хозяева села – отцы и деды наши.
Мы – трое школьников – стояли тут же рядом,
Сняв шапки, с любопытным взглядом,
Сложивши руки на груди покорно,
Ребячески задорно
Мы пели песни, громко был их звук,
Отцов и дедов радовался круг.
Но вот мы кончили. Тогда,
Крутя усы, поднялся тамада,
За ним, поднявши чаши налитые,
Все остальные.
Сказали нам: «Благословен ваш час!
«Живите, дети, но счастливей нас...»
Прошли года. Не сосчитать потерь...
И песни наши горестней теперь.
И, настоящее слезами орошая,
Я понял, почему, благословляя,
Нам говорили старшие в тот час:
«Живите, дети, но счастливее нас...»
О вы, давно почившие! Мир вам!
Все ваши горести близки теперь и нам,
И ныне, скорби час иль радости встречая,
Детей своих в дорогу провожая,
Как вы, мы говорим: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас...»

УЖ НЕ ВЕРНУТЬ

То чувство выжжено дотла,
Которым ты пренебрегла,
Оно со вздохом улетело,
Теперь то место опустело.
Уж не зывай, не плачь, мой друг,
От слез твоих проснутся вдруг
Печальные воспоминанья,
Но поздно воскрешать желанья.

КОНЦЕРТ

Ручей с утеса волны вниз стремится,
Свергаясь мощно на главы камней,
И бьет песок, и яр ревет, кричит,
Кричит в смятенье с пеной уст ручей.
Как старец, внука резвой песне рад,
Угасшим голосом едва поет,
Так старый лес, лишь тишиной богат,
Чуть откликается на рокот вод.
Меж тем, своих исполнен мрачных грез,
Немой извечный слушатель, склонил
Послушный слух задумчивый утес
К веселой музыке природных сил.

ПРИЗЫВ

Если есть ты, бог,
И не создал ты
Слезы, горький плач,
Вопли нищеты,
Если ядом зла,
Зависти и лжи
Ты не омрачил
Ясности души,
Колаб не создал ты
Этот мир для зла,
Чтобы тьмой невзгод
Наша жизнь была, -
Разве покарать
Злобных не пора,
Если ты пришел
К нам как бог добра?
Вездесущий бог,
Я молю, скорбя,
Если есть ты, где
Мне найти тебя?
Но, мольбе в ответ, -
Крик вражды людской;
Заглушил он вмиг
Зов горячий мой...
Прочь от этих мук,
Яростных страстей!

Но вдогонку мне
Лютый град камней.
С именем твоим
Нес тебе мечты,
Долго звал, и все ж
Не явился ты.
Столько бед зачем
Мне пришлось нести,
Если вправду ты
Бог невинности?
Что ж ты терпишь зло?
Или мало бед?
Иль в тебе, господь,
Силы прежней нет?
Иль не ты дал меч
Для злодейских рук,
Чтоб терпел народ
Столько страшных мук?
Иль не видишь, как
В век жестокий мой
Мучит брата брат,
Льется кровь рекой?
Так явись, рази,
Вырви зла цветы,
Если есть ты, бог,
Если мститель ты!

СО ЗВЕЗДАМИ

Звезды, звезды! Вы
Очи синевы.
Ярок средь ночей
Светлый смех лучей.
Под улыбкой звезд
Я ребенком рос;
Я скакал, резвясь,
Как и вы, смеясь.
Так же в вышине
Светите вы мне
В час, когда теперь
Плачу от потерь.
Над моей простой
Гробовой плитой

Так же с синевы
Улыбнетесь вы.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Любуюсь бледных роз игрою,
Что на щеках твоих зажглась,
И меланхолией покоя
Двух черных и глубоких глаз.
Глубинам сердца лишь известно
О тайне той – любви моей,
И никогда в стихе и песне
Я миру не скажу о ней.
Но и хранить ее не властен,
В себе носить ее нет сил, -
Как не сказать об этом счастье,
Не рассказать, как я любил!

* * *

Не проси меня, не воспою
Я печаль безмерную свою, -
Отшатнулась бы твоя душа,
Боль познав безмерную мою,
Милый друг, ты не проси меня, -
Не спою тебе про это я!
Раз в горах пропел я те слова, -
И завяли розы и трава!
Голая пустыня там легла,
Вздохами иссушена, мертва...
И в горах, где серый пепел лег,
Никогда не расцветет цветок!
Ветерки и аромат земли,
Зори золотистые вдали
Мне нужны – ведь песню для тебя
Я сплету из них, а ты внемли...
Только не поется! В сердце – ночь.
Пламень скорби гонит радость прочь.

ТОСКА

Родная моя!
По тебе тоска.
Что дал бы я,
Чтоб была ты близка.
Пусть исчезла б ты
Опять с быстротой,
Как минутный сон
В тишине ночной, -
Только б лик твой хоть раз
Я увидеть мог,
Только б мог я сказать,
Как в тоске изнемог!

ПРИМИРЕНИЕ

Кавказские тучи вдаль отошли,
На юге – снега, светлей серебра, -
То старый Масис, великан земли,
А против Масиса – Казбек-гора.
«Товарищ, привет!» – загремел Масис,
И голос был страшен, как молний след,
И горы Кавказа отозвались,
И глухо ответил Казбек: «Привет!»
«Мы старою славой с тобой близки
Друзья по страданиям мы, старина,
Хоть розно стояли мы, далеки,
Но буря над нами была одна.
Как ты изменился, друг, за века:
Уже не сияешь над мраком туч,
Закутался в темные облака,
Как будто не мил тебе солнца луч.
Дай руку, товарищ, жить вместе нам.
А ну, погляди-ка, вокруг хоть раз.
Мы братья, ровесники по векам,
И пламя одно пожирает нас,
Мой родич, немало меж нами уз,
Пусть горы свидетельствуют грозой,
Что мы заключили с тобой союз...»
Замолк величаво Масис седой.
И тучами вновь покрыт небосвод,
И молнии снова небо секут,

И горы встречают дружбу высот, -
Потоками слезы с вершин текут.

У СКЛЕПА Н. БАРАТАШВИЛИ

Утешься, Грузия! В заветный этот миг
Что омрачило так твой мужественный лик?
То, что безмолвный прах увидела ты вновь
Певца, снискавшего в душе твоей любовь?
Иль тьма глубокая могилы дорогой
Смутила тяжко дух осиротелый твой?
Да, своего певца вновь похоронишь ты,
Но им зажженные все чувства и мечты
Гореть останутся,- для них кончины нет,
Покуда над землей сияет солнца свет.
И, верь мне, некогда в их пламени сгорит
Все бремя мук твоих и горестных обид.
Тебе же, родины-страдалицы певец,
Обретший вечную могилу
наконец,
За все, что вынес ты мятежною душой,
Пусть небо ниспошлет заслуженный покой,

ПЕРЕД КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКОГО

Восстав, в океане неистовость вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот,
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря безбрежный, безгранный простор
Одевает, как в дым,
Дуновеньем своим.
«Ни с места!» – воскликнул, – палитра в руках, -
Старик-чародей, и взмучившийся прах
Покорен, слышавши гения зов;
И в бурю безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне.

АРМЯНСКОМУ СКИТАЛЬЦУ

Счастливым путь, скиталец наш!
Блажен ты, о скиталец наш!
Идешь с любовью, грустно-рад,
Вдали сияет Арарат.
Благоуханьем ветерка -
Добрей, чем отчая рука, -
Гегамы шлют тебе привет
И Арагац, травой одет.
А там, как одинокий глаз,
Блеснет Севан, в горах таяс,
Резвясь, играя с тенью скал,
Шумя, вздымая синий вал.
Мерцает, блещет и горит,
Волной сверкает и гремит,
А то печален и угрюм,
Чернее тучи, полон дум.
И та гора, гигант-шатер,
Гора из гор и царь всех гор,
Седой приникнув головой
К небесной груди голубой,
Встает, торжественно скорбя.
Вдали – и в сердце у тебя.

* * *

Если время придет и ты
Этот холм посетишь, мой друг,
Хорошенько всмотришь в цветы,
Распустившиеся вокруг.
Не ветрами и не дождем
Семена их занесены,
И не щедрой рукой весны
Разукрашен мой новый дом.
То – неспетые песни, друг,
Что я в сердце с собой унес,
Славословья любви, что вслух,
Умирая, не произнес.
Поцелуи мои, что я
Шлю из горнего мира той,
Для которой в мои края
Путь закрыт гробовой плитой.

ДВЕ ЧЕРНЫЕ ТУЧИ

С зеленого трона спокойной вершины,
Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
Гонимые бурей, по краю стремнины
Две тучки печальные мчались вперед.
Но даже и буря, в порыве жестоком,
Одну от другой оторвать не могла,
Хоть злобой дышала и в небе широком
Их, с места на место бросая, гнала.
И вместе, все дальше, по темной лазури,
Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь,
Гонимые злобным дыханием бури,
Две тучки, две грустные тучки неслись.

УЛЫБАЮЩИЕСЯ ГЛАЗА

Никогда не верь ты улыбке глаз, -
Так цветы растут, всех милей, нежней,
Возле пропасти, на краю как раз,
Чтоб людей туда завлекать верней.
Вот так и поэт, опьяненный сном, -
Глаз улыбкою навсегда пленен, -
Он обманут был и страдал потом,
И копил в груди только боль и стон.
Никогда не верь ты улыбке глаз, -
Так цветы растут, всех милей, нежней,
Чтобы сердца прах утаить от нас,
Темной бездны дно оживить верней.
Вот так и поэт: он лишен утех,
У него в груди только боль и стон,
Но смеется он веселее всех,
Будто меж людьми всех счастливей он.

СТРАННИКИ

Моя прошлая жизнь, с нею прошлый мой год. -
Два седых старика, ослабевших, недужных, -
К дальней вечности путь свой держали вперед,
В задушевном раздумьи, в беседах содружных.
«Я взрастил благовонный, сияющий сад, -

Первый вымолвил так, обращаясь к второму, -
Животворный струили цветы аромат, -
Все цветы расточил я по миру людскому».
И ответил второй: «Много чувств, много сил,
Много было во мне вдохновенья святого.
Как и ты, я все отдал и все расточил
В песнопеньи любви, в светлой щедрости слова»,
Первый снова сказал: «Но в долине людской
Я оставил и холод и сумрак, как прежде».
– «Я оттуда ушел,- так ответил другой, -
И тоскуя душой и не веря надежде».
Первый громко сказал: «Вновь настанет расцвет,
И покроется снова долина цветами!»
Но другой ничего не промолвил в ответ,
И к дороге своей он поникнул глазами.
Так вся прошлая жизнь, так и прошлый мой год -
Два седых старика, ослабевших, недужных, -
К близкой вечности путь свой держали вперед,
В задушевном раздумье, в беседах содружных.

ДОЛГИЕ НОЧИ

Бессонница томит меня в постели,
Лежу и тщетно жду прихода сна,
И мысли мрачные мной овладели,
И эта ночь особенно длинна.
Ах, были дни, еще совсем недавно,
Мир нежно, точно мать, меня ласкал,
Познал тогда я дни восторга явно
И мрак ночной меня не угнетал,
Любовь прошла, развеялись мечтанья,
Нет бодрости и силы прежних дней,
Настали дни глубокого страданья,
И ночи кажутся теперь длинней.
Бессонница теперь меня терзает,
В своей постели мучаюсь без сна.
Ночь бесконечна, все не рассветает, -
Как долго, долго тянется она!

ИЗ ПСАЛОМОВ ПЕЧАЛИ

Б.

Прошла, о боже, дымом жизнь моя!
Иссохли кости – сжег их полдень жгучий,
Иссякло сердце. Пал, подкошен, я,
Свой путь забыл от скорби неминучей.
Мой хлеб – укор людей чужих;
Мой отдых – на путях изгнаний;
День полон злых вестей и криков злых;
Ночь до утра полна глухих рыданий.
Томился я, как филин среди руин,
Как воробей на крыше – одиноко.
О боже! Я бессилен, я один...
Ужели час спасения далеко?

ТЫ ПОЧЕМУ...

«Ты почему меня забыл?» -
Я слышу девушки укор.
«Ты почему про нас забыл?» -
Пожаловались кручи гор.
Ах, вы не сетуйте, друзья,
Что я вас больше не пою.
Душою истомился я,
Боль истерзала грудь мою.
«Мы исцеление найдем», -
Сказала девушка, любя.
Сказали горы: «Мы возьмем
Твои страдания на себя».
Нет, девушка, любовь твоя
Не сможет сердце исцелить.
Тебе, родимых гор семья,
Моих страданий не избыть.
Ах, боль таю, но как мне быть.
Чтоб эту боль другой постиг?
Глубоко сердце – не открыть.
Я боль таю – и нем язык.

ИДИ, СЕСТРА, СВОИМ ПУТЕМ

Иди, сестра, путем любви,
Да будет ясен он и прям!
Не улыбайся, не зови, -
Ты не близка моим мечтам.
Сойдя с проторенных дорог,
С необъяснимою тоской
Душа блуждает средь тревог,
И ей несвойственен покой.
Еще рука не создана,
Чтоб удержать ее в пути;
Она безумна и жадна,
Ей без конца вперед итти.
И кто мне скажет, скольким я
Боль причиню своей рукой,
В какой пустыне скорбь моя
Найдет забвенье и покой?
Иди ж, сестра, своим путем,
Не приближаясь ни на пядь,
И помолись, чтобы вдвоем
Не повстречаться нам опять!

РОПОТ

Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.
Я их похоронил. О, путь жестокий!
Я стал чужим в родной стране моей.
Иду, томясь, как путник одинокий,
Без крова, теплой ласки и друзей.
Те, кто вокруг, меня не понимают:
Им чужд язык мой, скорбь моя тяжка,
О лучшем дне они и не мечтают,
Им по нему неведома тоска.
Ничтожная толпа, тупое стадо,
Трусливые лжецы и торгаши,
От вашего все увядает взгляда:
Улыбка, вера и полет души.
Так перед кем же сердце я открою,
Кому спою о горечи моей?

И для кого пожертвую собою?

Возможно ль жить на свете без друзей?
Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

СЕСТРА, Я СТРАННИК

Сестра, я странник с юных лет,
Печален путь суровый мой,
И мне нигде приюта нет,
Нет спутников со мной!
За мною мрак прошедших дней,
Он душу скорбную томит,
И тяжесть в поступи моей,
И зной меня палит!
Край детства моего далек,
Уныл сегодняшний мой день,
Далек родимых волн поток,
Гоним я, как олень!
И, встретясь на пути моем,
Ты мне твердишь, сестра моя,
Что кинул я напрасно дом,
Что был там счастлив я!
Но тучи говорят во тьме
О глубине тоски моей,
И жить я не хочу в тюрьме,
В страданьи я сильней!
Преследуем я вновь и вновь,
Не знал я радость чистых нег,
Забыл я женскую любовь,
И грудь пуста навек!
Иду во тьму и в тишину,
И боль в душе моей остра.
Всех покидаю, всех кляну,
Прощай и ты, сестра!

НАШИМ ПРЕДКАМ

Блаженны вы, певцы моей страны,
Вы пели рано, видя сквозь туман
Предутренние золотые сны
О будущем спасении армян.
И в песнях ваших родина одна
Великая, хоть пленная, жила,
И вашей лиры каждая струна
Счастливое грядущее звала.
Ах, растерзали край родимый наш,
А с ним и наши чуткие сердца.
Сны золотые скрылись, как мираж,
В пустыне нашей дождались конца.
И на восходе жизни все мы вдруг
Остались без надежд и без дорог,
И лира падает из юных рук,
И в сердце умирает песнь и бог.

В АРМЯНСКИХ ГОРАХ

Не легок был путь, полночный наш путь...
Но выжили мы
Средь горя и тьмы:
Веками идем, чтоб в выси взглянуть,
В армянских горах,
В суровых горах.
Сокровище дум издревле несем, -
Что море, оно
Душой рождено,
Народной душой в пути вековом,
В армянских горах,
В высоких горах.
Из светлых пустынь кидались на нас
Орда за ордой;
Разили бедой,
Весь наш караван терзая не раз
В армянских горах,
В кровавых горах.
Ограблен, разбит был наш караван...
Разрознен среди скал,
Дорогу искал,
Считая рубцы бесчисленных ран,

В армянских горах,
В печальных горах.
И наши глаза взирают с тоской
На сумрак земли,
На звезды вдали:
Ну, скоро ли утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
В зеленых горах?!

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

Армянское горе – безбрежное море.
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.
Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой:
Спускается вглубь иногда утомленно
В бездонный глубокий покой.
Но дна не достигнет она в этом море,
И берега вовек не найдет.
В армянских страданиях – на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

СКОРЬ СОЛОВЬЯ

(Народное)

Залетная птица глядит меж ветвей, -
Плачет кровавой слезой соловей.
Молвит; «Скажи мне, зачем меж ветвей
Ты плачешь кровавой слезой, соловей?
Зачем ты, нахохлясь на ветке сухой,
Поешь, трепеща, о печали одной?
Любит весь мир певуна своего
И щебетание песен его, -
Ты же, соловушка, день-деньской,
Вздыхая и охая, сам не свой,
Утра прохладного в сладкий час
Кровавые слезы струишь из глаз».
«О чем говоришь ты, чужак-сумасброд? -

Ответную речь соловей ведет: -
Не видишь – настала зима в горах,
Воду она сковала в ручьях,
Запах она отняла у цветов,
Щебет моих отняла птенцов, -
Как же не лить мне кровавых слез?»
Залетный гость в ответ произнес:
«Полно тебе, соловей дорогой,
Полно кровавой рыдать слезой.
Снова придет для тебя весна,
Вновь засияет твоя страна,
Снежный покров с наших гор сойдет,
Воды в ручьях поломают лед,
И, окруженный птенцами, опять
Будешь навстречу цветам щебетать».

ДИТЯ И ВОДА

(Народное)

С покрытых тучами высот
В село вода идет, поет...
Вот смуглое дитя бежит,
К воде серебряной спешит.
Умылось, брызгами блестя,
И говорит воде дитя:
«С какой горы течешь сюда,
Моя студеная вода?»
«С вершины темной, выше всех,
Где рядом с новым старый снег».
«В какой ручей, свежее льда,
Бежишь ты, светлая вода?»
«К такому ручейку бегу,
Где много роз на берегу».
«А в чей ты сад идешь тогда,
Моя студеная вода?»
«К тому хозяину иду,
Что славно трудится в саду».

ПЛАЧ КУРОПАТКИ

(Народное)

Словно кровью наполненный клюв раскрыт,
На скале куропатка сидит,
Голосит она и щебечет,
Птицам жалобно говорит:
«Ой, сестрицы!
Ой, птицы!

Свила гнездо я там, в горах,
Вывела птенчика в нем своего.
Он спустился на луг поиграть,
Пришли, поймали, взяли его,
Ой, сестрицы!
Ой, птицы!

Ту голосистую шейку
Полоснули острым ножом,
Тот окровавленный клюв
Пылает, – охвачен огнем,
Ой, сестрицы!
Ой, птицы!

Те ноженьки-крошки
Перебили ниже колен,
Те пестрые перья
Развеяли по земле,
Ой сестрицы!
Ой, птицы!

То, что долетело до гор,
Бесследно ветры разбросали,
То, что попало в полей простор,
Речные потоки умчали.
Ой, сестрицы!
Ой, птицы!

О, как мне быть, о, как мне жить в том гнезде?
Покою нет, отрады нет в том гнезде.
Весь день одна, полна тоски в том гнезде,
И ночь без сна, кругом ни зги в том гнезде.
Булые дни, – живут они в том гнезде.
Как волк меня они едят в том гнезде.
И сердцем мне не жить – и пусть! – в том гнезде,
Там смеха нет, там плач и грусть в том гнезде».

«Скажи, где теперь ты будешь сидеть, на чем?»
– «На тополе том, сухом».
«А если хозяин придет ворчливый?»
– «На ветке плакучей ивы»,
«А если испугнут и оттуда тебя?»
– «Возьму – и сожгу себя!»...

Горе тебе,
Востренькая,
Куточка
Пестренькая!
Горе ему,
Птенцу твоему,
Матери сердцу
Разбитому!
Песен твоих задор
Не слышит полей простор.
Улетела ты
С наших гор.
Горе тебе,
Востренькая,
Пташка моя
Пестренькая!

* * *

Певцом пришел, -
Борцом ушел Саят-Нова.
Любя пришел,
Скорбя ушел Саят-Нова.
С лучом пришел,
С мечом ушел Саят-Нова.
И все ж нашел
Любви слова Саят-Нова.

* * *

На странствия нас судьба обрекла,
Лишила навек родного угла.
По миру скитальцами мы брели,
Прошли все моря, все страны земли.
И все же, свидетель тому весь свет,

Не сломлен наш дух годами бед,
Живет он везде, куда б ни проник
И где б ни звучал армянский язык.
И наше потомство из рода в род
С горячей надеждой идет вперед.
И наши напевы еще гремят,
Развалины наши еще дымят...
И снова встает из праха руин
Могучий народ, народ-исполин.
Печатью страданий мечены лбы.
Во взглядах – тайна большой судьбы.
О, древний Масис, родной Алагез,
Двуглавый гигант, двугорбый колосс,
И вы, чьих мыслей орлиный взлет
Царит над вечным снегом высот, -
Месроп и Саак, а с вами все те,
Что не дали нам блуждать в темноте,
Открыли родник умов и сердец, -
Ваш лоб венчает алмазный венец!
Пока существуют подобные вам,
Внимая призыва горячим словам,
Все вверх, все вперед неуклонно пойдем,
Как ни был бы крут и тяжел подъем.
И праздник настанет, награда близка.
И мир узнает, что сквозь века
В писаньях и в песнях из рода в род
Свой светоч пронес армянский народ.